

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 162—169.
Economic and Social Research. 2022. No. 2 (34). P. 162—169.

УДК 179.9
doi: 10.24151/2409-1073-2022-2-162-169

Достоинство, личность, культура: ракурс И. Г. Фихте

Варвара Климентьевна Самохвалова

*Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации, Москва, Россия*

bar-bar@mail.ru

Аннотация. Понятия «личность», «культура», «достоинство» рассматриваются в диалектической взаимосвязанности и взаимозависимости. Вскрываются основные трудности их определений. Разбирается концептуальный подход И. Г. Фихте к соотношению понятий личности, культуры и достоинства через призму его общих метафизических принципов. Устанавливается двойственность понимания культуры И. Г. Фихте. Отмечается непреходящая ценность идеи Фихте, что культура является и должна пониматься как высшая конечная цель всего человечества.

Ключевые слова: личность, культура, достоинство, этика, этимология, фундаментальные категории, диалектическая взаимосвязь, цель, средство.

Для цитирования: Самохвалова В. К. Достоинство, личность, культура: ракурс И. Г. Фихте // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 162—169. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-162-169>

Dignity, personality, culture: I. G. Fichte's perspective

Varvara K. Samokhvalova

*Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

bar-bar@mail.ru

Abstract: In this work, the concepts of personality, culture, dignity are considered in dialectical interconnectedness and interdependence. The main difficulties of their definitions are revealed. The author investigates the conceptual approach of I. G. Fichte to the correlation of the concepts of personality, culture and dignity through the prism of his general metaphysical principles. The duality of understanding the culture of I. G. Fichte has been elucidated. The enduring value of Fichte's idea that culture is and should be understood as the highest ultimate goal of all mankind is noted.

Keywords: personality, culture, dignity, ethics, etymology, fundamental categories, dialectical relationship, mission, instrument.

For citation: Samokhvalova V. K. Dignity, personality, culture: I. G. Fichte's perspective. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 162—169. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-162-169>

Понятия «личность», «культура», «достоинство» представляются интуитивно ясными только при самом поверхностном обращении к ним, однако критические, пролонгированные усилия философов в деле установления для этих понятий окончательных и отчетливых определений, которым можно было бы приписать статус необходимых и всеобщих дефиниций, наталкиваются на непреодолимые трудности.

При попытках дать четкие определения этим понятиям первый ряд трудностей связывается мыслителем с их философским статусом понятий предельных, фундаментальных, а значит, не подлежащих процедуре дефиниции через что-то еще более всеобщее: через род и видовое отличие, — наподобие того, как мы можем определить, например, треугольник в качестве геометрической фигуры. В статусе первоосновных категорий рассматриваемые понятия могут быть не то чтобы определены в точном смысле этого слова, а лишь обозначены, например, через противопоставление таким же предельно абстрактным (и поэтому также в точном смысле не определяемым) понятиям, в неразрывном противоположении с которыми они чаще всего мыслятся. Например, личность — это не то, что общество; культура — это не то, что природа; достоинство — это не то, что его отсутствие, изъян и т. п.

Или же — при попытках всё же как-то определить эти понятия содержательно — можно пойти по пути перечисления ряда значений, которые мы мыслим в совокупности как принадлежащие искомому понятию. Например, таким образом дается определение этому понятию в «Новой философской энциклопедии», где «личность» соотносится с перечислением этимологических значений, присущих данному слову. Так, возводя

данное понятие к латинскому слову *persona* («маска» — лат. = «личина» — рус.) как обозначающему ритуальное или театральное приспособление (слепок с лица) для усиления звука голоса, т. е. по существу исполняющее роль резонатора, возникла традиция считать это слово производным от глагола *personare* — «громко звучать» [2]. В этой же энциклопедической статье указывается на существование и других этимологических подходов к определению понятия «личность». Например, в Средние века пользовалась известностью интерпретация Бонавентуры, сводящая происхождение слова *persona* к латинскому выражению *per se sonare*, означающему «звучать через себя» и акцентирующему в качестве обязательной характеристики личности наличие собственного голоса в метафорическом, естественно, смысле. Другая популярная в Средние века этимологизация (согласно авторитетному мнению К. В. Бандуровского, ложно приписываемая Исидору Севильскому) возводит слово *persona* к выражению *per se una*, что означает: «единая сама по себе». Однако, по мнению современных исследователей, устойчивым лингвистическим значением сейчас считается выведение термина *persona* из этрусского языка, из понятия *fersu* (маска), возможно восходящего к греческому *προσωπον* (лицо, передняя часть, маска) [2].

Уже из этих немногих примеров становится достаточно понятным, что этимологические интерпретации, в конечном итоге, требуют соотнесения устанавливаемых с их помощью значений определяемого понятия с определенными идеями и смыслами, которые мы уже заранее предчувствуем, предощущаем и тем самым предвосхищаем в качестве неотъемлемых существенных характеристик

только еще определяемого понятия. Если же перечень неотъемлемых атрибуций становится слишком обширным, в стремлении сделать понятийное описание как можно более подробным и точным, то вместе с уточнением понятие теряет свой первоначальный сугубо абстрактный смысл фундаментальной категории и переходит в статус понятия конкретного, не имеющего уже значения первоначальности.

Таким образом, пытаясь определить фундаментальные философские категории через выражающие их предельно абстрактные понятия, мы идем по пути либо установления первоначального значения слов, их обозначающих (этимологические определения), либо через перечисление существенных характеристик, которые исторически вкладывались в концепты осмысления этого понятия. Последний путь как раз объясняет историческую изменчивость и, в целом, полисемантическую, а также относительное непостоянство значения употребляемых абстрактных философских понятий.

Указанная трудность касается всех вообще фундаментальных категорий философии. Пожалуй, можно сказать, что наличие этой трудности не в последнюю очередь позволяет отличать собственно философские категории от понятийного ряда частных наук. К слову сказать, это именно та трудность, которую в свое время подметил Г. В. Лейбниц [5] и неразрешимость которой в значительной степени стимулировала направленность его философских интересов в русло гносеологических проблем.

Ранние рассуждения Лейбница о нормативных принципах строгого философского стиля через признание необходимости установления ясности первоначальных значений слов подвели его к постановке важнейшей гносеологической проблемы — к вопросу об отношении индукции и дедукции. Можно сказать, что заинтересованность Лейбница вопросом определения ясности первоначальных значений слов, в частности, послу-

жила отправным моментом к изменению исходных индуктивно-эмпирических методологических установок Лейбница на убежденность сугубо рационалистического толка, происходящую из признания необходимости присутствия в разуме первоначальных идей и принципов, которые служат условиями осмысленности всякого опыта, т. е. убедила достаточно еще молодого автора «Предисловия к изданию сочинения Марио Низолио...» в недостаточности только лишь индуктивной методологии в деле достижения истинного знания о природе вещей, даже в том случае, если речь идет о простой — так называемой моральной — достоверности.

Индукции как исходного принципа построения точного знания недостаточно даже в том случае, когда, кажется, никакой из бывших до сих пор опытов не давал поводов убедиться в чем-либо обратном тому, что высказывается в единичном индуктивном суждении, основанном на данных органов чувств: «Если универсалии есть не что иное, как собрания отдельных вещей, то из этого будет следовать, что нельзя получить никакого знания через демонстративное доказательство (посредством дедукции идеи), но только через умозаключение от единичного, то есть через индукцию. Но в таком случае вообще уничтожается всякое знание и торжествует победу скептицизм. И даже возражение, строящееся на так называемой моральной достоверности явлений (когда у нас нет видимого повода в ней сомневаться на основе всего доступного нам опыта), основано не на одной только индукции, но с неременной опорой на пресуппозиции, зависящие не от индукции единичных вещей, а от общей идеи, общего принципа. Поскольку, если бы пресуппозиции зависели от индукции, они нуждались бы в новых вспомогательных принципах, и даже моральная достоверность была бы бесконечно недостижима» [5, с. 95]. Так уже Лейбниц констатирует очевидную тщету надежды с помощью индукции достичь

совершенной достоверности в определении общих понятий [6].

Другой ряд трудностей, касающийся непосредственно разбираемых здесь трех понятий, связан с их взаимообусловленностью, с невозможностью построения отчетливых суждений о каждом из них, взятом изолированно, вне связи с двумя другими. Отчасти вторая трудность может рассматриваться как конкретизация трудностей первого ряда и связана именно с общим фундаментальным философским значением понятий личности, достоинства и культуры.

В самом деле, что можно сказать о культуре, не имея в виду носителя и творца культуры — личность? Ведь всё историческое развитие понятия «культура», насколько можно судить об этом сейчас, «шло от отождествления культуры со всем, что сотворено человеком, к анализу человеческой активности (деятельности, поведения и общения)» [8], благодаря которой как раз и возникла культура как «надприродная сфера человеческого бытия, искусственное, в противовес естественному, природному» [8].

С другой стороны, именно наличие культуры позволяет отличить просто индивида от личности, ведь как раз принадлежность к культуре наделяет индивида его личностным статусом в качестве участника историко-эволюционного процесса. Более того, вообще проблематично как-то иначе обособить понятие личности от других, родственных ему понятий (человек, субъект, индивид и т. п.), кроме как не связав понятие личности с культурой, с ее духовным содержанием: «С точки зрения философии существования и философии духа личность нельзя понимать как частное и индивидуальное в противоположность общему и универсальному. Это противоположение, характерное для природной и социальной жизни, в личности снимается. Сверхличное (дух культуры. — В. С.) конструирует личность, “общее” обосновывает в ней “частное”, и никогда сверхличное и “общее” не делает личность и “частное”

своим средством. В этом тайна существования личности, сопряжения в ней противоположностей» [3, с. 297]. Одним словом, исключительно принадлежность человека к культуре или, напротив, обнаружение в человеке определенного качества культуры позволяет говорить о нем в конечном итоге как о личности.

Наконец, «культурное» качество, которое позволяет вести речь не просто об индивиду, но именно о личности, нерасторжимо связано с понятием достоинства, поскольку, как в свое время писал В. С. Библер: «Там, где оскорблено и унижено человеческое достоинство, там нет индивида, способного жить “в горизонте личности”, то есть способного жить свободно, нравственно» [4, с. 57]. Поэтому проблема личного достоинства имеет значение не только в рамках отдельной судьбы человека, не только в границах индивидуального сознания: драматические следствия индивидуальной утраты чувства собственного достоинства затрагивают всю социальную реальность. В отсутствие достоинства не может идти речь о личности, в отсутствие личности не имеет никакого значения культура, и наоборот. Направленность этих взаимосвязей между рассматриваемыми понятиями принципиально двусторонняя и обратима, можно сказать, что она являет собой устойчивый пример проявления всеобщего принципа диалектической взаимосвязи фундаментальных категорий философии.

Трудности же третьего рода связаны с указанной в начале статьи полисемантической искомым определений, обусловленной изменчивым историко-культурным контекстом: в разные эпохи под названными понятиями подразумевалось нетождественное содержание. Например, уже Аристотель обратил внимание на многозначность понятия «достоинство»: «Достоинством <...> не все называют одно и то же, но сторонники демократии — свободу, сторонники олигархии — богатство, иные благородное происхождение,

а сторонники аристократии — добродетель» [1, с. 151]. И в современных аксиологических теориях, и в этике «достоинство» остается одним из самых часто употребляемых, в то же время наименее определенных понятий. Под ним понимают «как цену личности, устанавливаемую обществом, так и качество не сводимое к цене; образ Бога в человеке и признание права на самостоятельные решения; требование уважительного отношения и запрет на унижения. В спорах к человеческому достоинству апеллируют верующие и атеисты, консерваторы и либералы, сторонники и противники эвтаназии, абортов, трансгуманизма и т. п. При этом каждая заинтересованная сторона защищает свое понимание достоинства, как правило, несовместимое с представлениями оппонентов» [9, с. 305]. Таким же образом обстоят дела с определенностью понятия «личность»: при всем многообразии подходов к изучению личности именно многомерность личности признается ее сущностью. Это же относится и к определению понятия культуры.

Суммируя сказанное, можно заключить, что, во-первых, диалектическая взаимосвязанность этих трех понятий, позволяющая моделировать их непротиворечивое единство, не во все времена и не во всех концепциях выявляется с достаточной очевидностью и, во-вторых, даже при обнаружении указанного единства понятий (поскольку оно всё же непреложно, будучи необходимым) сам исторический контекст рассмотрения этого единства может оказаться слишком отстраненным или несвоевременным. Поэтому представляется актуальным в целях просвещения и популяризации специфической взаимосвязи данных аксиологических категорий обратиться к тем концептуальным решениям, которые имеют преимущество несомненной ясности и относительной простоты как в формулировке своих исходных задач, так и в аргументации решений и выводов.

Среди концепций, полностью отвечающих данным критериям, на мой взгляд¹, первостепенное значение имеют философские рассуждения И. Г. Фихте. Понятие личной культуры, восходящее к идее личного достоинства, раскрывается И. Г. Фихте в цикле его Публичных лекций «О назначении ученого» (1794). Эти лекции содержат именно то оригинальное понимание культуры, которое позволяет выявить и подчеркнуть диалектическое единство рассматриваемых понятий: личности, ее достоинства и собственно культуры. Последняя отождествляется мыслителем с высшей конечной целью всего человечества как высшей целью для каждого человека, составляющего человечество. Нахождение ответов на вопросы, каково назначение человека вообще и какими средствами он может вернее всего его достигнуть, Фихте полагает главной задачей философии: «Вся философия, все человеческое мышление и учение <...> — не имеет в виду никакой другой цели, как только ответ на поставленные вопросы...» [10, с. 483]. В качестве последней и высшей цели для каждого человека культура выступает воплощением идеи достоинства личности.

Культура есть высшее благо. Благо же определяется Фихте как полное согласие человека с самим собой. Следовательно, всякий человек должен быть и оставаться тем, что он есть сам по себе. Однако личность очевидным образом зависима от многого, по отношению к ней постороннего, и тем не менее она должна оставаться в согласии с самой собой. Следовательно, личность должна стремиться воздействовать непосредственно на сами вещи, от которых зависят чувства и представления человека; человек должен стремиться модифицировать их и привести в согласие с чистой формой своего Я, чтобы их представление согласовывалось с этой формой.

Человек не только привносит в первоначальную «мертвую и бесформенную массу»

¹ Специально этому вопросу был посвящен мой доклад на V Российском культурологическом конгрессе [7].

вещей *необходимый* порядок, но он дает им также и тот, который он *произвольно* выбрал: «И вещество вырастет для него во что-нибудь другое, если он предпишет ему иначе» [10, с. 476]. Свободная практическая деятельность — самодеятельность — человека обладает, по Фихте, универсальной облагораживающей способностью: «Вокруг него облагораживаются животные <...>. Более того, вокруг человека облагораживаются души; чем больше кто-либо — человек, тем глубже и шире действует он на людей» [10, с. 477]. Таков, по Фихте, каждый, кто может самому себе сказать: «Я — человек».

Таким образом, индивид как субъект нравственного действия, решения, поступка должен сам определять себя и никогда не позволять определять себя посредством чего-нибудь постороннего. Именно так и определяет Фихте личность — как человека, несущего свою цель в самом себе: «Для меня, который есмь Я — таков каждый, который есть Я» [10, с. 477]. Здесь самодеятельное Я Фихте наделяется статусом подлинной реальности. Чувство собственного достоинства есть результат осознания этого факта.

С другой стороны, культура понимается Фихте и в качестве *средства*, ведущего к достижению высшего блага (конечной цели) отдельную личность. Из приведенных выше рассуждений Фихте следует, что требование полного согласия с самим собой с необходимостью выявляет круг ответственности каждого человека: в зависимости от очерчивания сферы действительности Я можно проследить расширение или, напротив, сужение этого круга. Для этой операции по приведению внешних вещей (*Не-Я*) в соответствие тому, какими они должны быть (стать) согласно необходимым для каждой личности (*Я*) понятиям о них, недостаточно только стремления воли, но необходим особый навык. Именно приобретение этого навыка (а также приобретенная определенная степень его) называется Фихте культурой (но уже в понимании средства). Таким образом, культура

выступает у Фихте «последним и высшим средством для конечной цели человека — полного согласия с самим собой, поскольку человек рассматривается как разумно-чувственное существо» [10, с. 487], как личность. Следовательно, последней верховной целью человека как разумного, но *конечного*, как чувственного, но свободного существа есть подчинение себе всего неразумного, свободное овладение им, согласно своему собственному закону. Человек существует, чтобы постоянно становиться нравственно лучше и улучшать всё вокруг себя в нравственном смысле. И эта человеческая миссия осуществима исключительно в сфере культуры как внутренней свободы личности и только в свете исходной идеи достоинства — самосохранения свободы быть Я.

Несколько соображений иного порядка в качестве заключения.

Чувство собственного достоинства — недостаточное условие бытия человека в меду личности, но — необходимое, без которого «личность» невозможна. Хотя идея достоинства имеет историю, существующую более двух тысяч лет, на протяжении которой всё более развивались и расширялись этические и правовые выводы, касающиеся повседневности, политики, экономики и, наконец, культуры в целом, — одним из основных пороков современности видится именно отсутствие этого чувства: «На нашей современной жизненной шкале ценностей чувство достоинства занимает одно из последних мест. Это — первое место, от которого индивид легко, а то и облегченно, отказывается» [4, с. 57]. В этом по-прежнему состоит значительная человеческая беда, видится, так сказать, антропологический корень зла. Поэтому любые аналитические усилия, направленные на реконструкцию, актуализацию, концептуализацию и демонстрацию необходимой взаимосвязанности идей личности, достоинства и культуры (при всей неисчерпаемости их потенциала), остаются своевременными и важными, поскольку стремятся

выявить и утвердить надежный нравственный ориентир в непреходящей сложности жизни этого мира.

Библиографический список

1. **Аристотель.** Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53—295.

2. **Бандуровский К. В.** Личность // Новая философская энциклопедия: в 4 т.: интернет-версия издания [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; председатель науч.-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2000—2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc2733a9b6524f7ca3ca4c2> (дата обращения: 04.03.2022).

3. **Бердяев Н. А.** Я и мир объектов (Опыт философии одиночества и общения) // Философия свободного духа: [сборник] / Н. А. Бердяев. М.: Республика, 1994. С. 230—316.

4. **Библер В. С.** Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М.: Политиздат, 1990. С. 16—57.

5. **Лейбниц Г. В.** Предисловие к изданию сочинения Марио Низолио «Об истинных принципах и истинном методе философствования против псевдофилософов» / пер. с лат. Н. А. Федорова // Сочинения: в 4 т. / Г. В. Лейбниц; ред., сост., авт. вступ. ст. и примеч. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин; пер. Я. М. Боровского и др. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 54—96.

6. **Самохвалова В. К.** К формированию научной риторики: Лейбниц о философском слоге // Наука как общественное благо: сб. науч. статей: в 7 т. / науч. ред. и сост. Л. В. Шиповалова, И. Т. Касавин. Т. 4. М.: Рус. о-во истории и философии науки, 2020. С. 39—43.

7. **Самохвалова В. К.** Фихте о личной культуре и культуре личности // Культурное наследие — от прошлого к будущему: Программа и тезисы докладов V Российского культурологического конгресса с международным участием. СПб.; М.: Ин-т наследия, 2021. С. 142.

8. **Степин В. С.** Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т.: интернет-версия изда-

ния [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; председатель науч.-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2000—2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (дата обращения 04.03.22).

9. **Сычев А. А.** Эволюция представлений о достоинстве в истории этической мысли // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 3. С. 305—313. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2017-21-3-305-313>

10. **Фихте И. Г.** Сочинения. Работы 1792—1801 гг. М.: Ладомир, 1995. 655 с.

References

1. Aristotle. *The Nicomachean ethics*. London et al., Penguin Books, 2004. 400 p.

2. Bandurovskiy K. V. Personality. *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t.*, Internet version. (In Russian). Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc2733a9b6524f7ca3ca4c2> (accessed: 04.03.2022).

3. Berdyaev N. A. Myself and the object world. *Filosofiya svobodnogo dukha*, by N. A. Berdyaev. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 230—316. (In Russian).

4. Bibler V. S. Morality. Culture. Modernity (Philosophical reflections on life problems). *Eticheskaya mysl': Nauchno-publitsisticheskiye chteniya*. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 16—57. (In Russian).

5. Leibniz G. W. Introduction to Mario Nizolio's work "On the true principles and the true method of philosophizing, against the pseudo-philosophers". *Sochineniya*, by G. W. Leibniz, in 4 vol., vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1984, pp. 54—96. (In Russian).

6. Samokhvalova V. K. By the formation of scientific rhetoric: Leibniz on philosophical style. *Nauka kak obshchestvennoye blago*, coll. of scient. art., in 7 vol., vol. 4. Moscow, Russkoye obshchestvo istorii i filosofii nauki Publ., 2020, pp. 39—43. (In Russian).

7. Samokhvalova V. K. Fichte on personal culture and culture of personality. *Kul'turnoye naslediyе — ot proshlogo k budushchemu: Programma i tezisy dokladov V Rossiyskogo kul'turologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem*. St. Petersburg, Moscow, Russian Heritage Institute, 2021, p. 142. (In Russian).

8. Stepin V. S. Culture. *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t.*, Internet version. (In Russian). Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (accessed: 04.03.2022).

9. Sychev A. A. Evolution of the concept of dignity in the history of ethics. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya* = *RUDN Journal of Philosophy*, 2017, vol. 21, no. 3, pp. 305—313. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2017-21-3-305-313>

10. Fichte J. G. *Written works. Works from 1792 to 1801*. Moscow, Lodomir Publ., 1995. 655 p. (In Russian).

Информация об авторе

Самохвалова Варвара Климентьевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Россия, 119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А).

Information about the author

Varvara K. Samokhvalova — PhD in Philos. (Philosophical Anthropology), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Humanities and Social Sciences, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Russia, 119285, Moscow, Vorobievskoe highway, 6A).

Статья поступила в редакцию 05.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022.